

- Итак, Валентин Юрьевич, вернувшись два года назад из Израиля, вы снова пришли в "Современник". Вас позвали?

- Два месяца назад Галина Борисовна Волчек пригласила меня на разговор и сказала, что хочет вернуть меня в театр. "Я не ташу тебя сразу в труппу, но я хочу, - сказала она, - вернуть тебя в роль, которую я очень любила, и ты сам прекрасно знаешь, что тебе дорога эта роль". - "Имеется в виду Чебутыкин?" - "Ну, конечно, и я сейчас как раз репетирую "Три сестры".

Вот так я и пытаюсь вернуться в театр, которому отдал более тридцати лет. - Как идут дела? Приняли ли вас, конечно же, сильно обновленный коллектив?

- Да, возрастной ценз во многом поменялся. Это и естественно. Многих

- Если вы утверждаете эту тезу как истину в последней инстанции, то ничего плохого в этом я не вижу. Но если это и не так, то Волчек, несомненно, входит в определенный номинал ведущих наших главрежов, которые, как мне видится, угодны и широкой публике, и избранным государственным мужам.

- Любопытно, видели ли вы одну из новогодних телепередач на РТР, которая собрала на посиделки под эгидой министра культуры Швыдкого едва ли не весь театральный бомонд. Как вам?

- Смотрел, прищурясь, больше ухом слышал. Я понимаю, что Михаил Ефимович хотел, видимо, соединить поколения перед новым театральным столетием. Ну что ж, тут есть и своя правда. Но мне почему-то вспомнилась одна из

большой личностью, независимой, это точно, сильной и в чем-то могучей.

- Из ефремовского "Современника", того, что был еще на площади Маяковского, вы снова в этом же театре, только с другим руководителем и стоящем в другом месте Москвы, на Чистых прудах. Вы как бы второй раз вошли в одну и ту же воду. А случались ли такие метаморфозы в личной жизни? Скажем, возвращались ли вторично к любимой женщине?

- Нет, не было такого.

- А случалось ли разлюбливать близкого человека, а потом понимать, что ошиблись? Ведь по натуре, как мне кажется, вы импульсивный, экспансивный человек.

- Да тоже, пожалуй, нет, не приходилось. Не разочаровывался, не охлаждал своих чувств, не отдалялся. А значит, и не было возврата.

- Вы, по-видимому, весьма терпимый человек к самому понятию жизни?

- Не то слово. Я преступно терпимый, преступно! Во всем.

- Тогда почему же вы преступно нетерпимо уехали из преступно-нетер-

раз... А в музыке, поскольку я и музыкальный актер? Что же, у меня вышло три большие виниловые пластинки.

- Многим нравится, как вы читаете лирические стихи. Я помню времена, когда вы собирали на поэзию полные залы.

- Спасибо, нынче поэзия не так любима, как десять-пятнадцать лет назад. А жаль. Но Евгений Евтушенко все же собирает в Политехническом музее на свои дни рождения полные залы. В позапрошлом году он попросил меня только об одном: чтобы я прочитал его раннее стихотворение "Окно выходит в белые деревья". Наверное, потому, что мы с ним почти одного поколения.

- На ваш почти юбилейный (69 лет) вечер в Домжур вы наверняка пригласите и бардов. Ведь актер Никулин успел "наследить" и в этом жанре, вы любите авторскую песню и любите ее авторами и исполнителями.

- Не знаю, кто придет, но Вероника Долина наверняка. Я ее очень люблю. Когда-то много лет назад мне представил ее Булат Шалвович. Было это у него дома в Астраханском. Я пришел к нему в гости, а в этот момент с ним проща-

шен. Учимся культуре? Многое все равно зависит от менталитета, от воспитания, от традиций. Думаю, что в той же Англии, когда на сцену выходил сэр - лорд Лоуренс Оливье - многое, наверное, было иначе.

- Когда вы с Михаилом Козаковым уезжали в страну обетованную, и впрямь наши театры были пусты. Страшно вспомнить то время. Но сам зритель нигде не делся. Вот ведь сегодня тот же "Современник" "уж полон, ложи блещут".

- Дай, Бог, только слишком уж не надо творить кумиров. Кумирства не надо. Давид Самойлов, мой любимый поэт, гениально написал:

Упущенных побед немало.
Одержанных побед немного.
И если можно бы сначала
Жизнь эту вымолить у Бога,
Хотелось бы, чтоб было снова
Упущенных побед немало,
Одержанных побед немного.

- На идиш говорите?

- Нет, романа с этим языком не вышло. Одну роль на иврите я сыграл. Мучился долго. Первая строка текста на иврите была написана близкими к ивритским буквами алфавита, вторая строка - ивритские слова, но в транскрипции нашими русскими буквами, а в третьей строке был смысл того, что надо говорить. Так вот, при таком раскладе к десятому спектаклю я начал понимать, что я говорю.

- Какова нынче ваша семья?

- Семья как таковой нет. А можно этот вопрос опустить?.. Сегодняazole меня люди, которые мне во всем помогают. Но не тянут меня "замуж", не хотят штампов с московской пропиской. И слава Богу.

- Крыша-то есть над головой?

- Хороший вопрос, потому что есть. Даже две крыши. Одна квартирная. Да, да, в наше сложное время я получил от государства квартиру. А вторая моя крыша, конечно же, как дом родной - это крыша театра "Современник". Я человек суеверный, ничего не загадываю, но хочу надеяться, что крыша будет надежной.

- Мне кажется, что вы из тех мужчин, которых женщины сами в себя влюбляют.

- Вы правы, так устроена моя психофизическая индивидуальность, что за мной в этом вопросе никогда слово не было последним. Так что влюблялись.

- Какой нынче предпочитаете напиток? Слышал, что в прошлом предпочитали многие.

- Неправда, всегда любил водку. Но сейчас, учитывая, что в Израиле мне сделаны важные операции, одна из которых на сонной артерии (обнажает шею, и я вижу ярко-буристый шрам), а вторая и третья на сосудах, отдаю предпочтение коньяку.

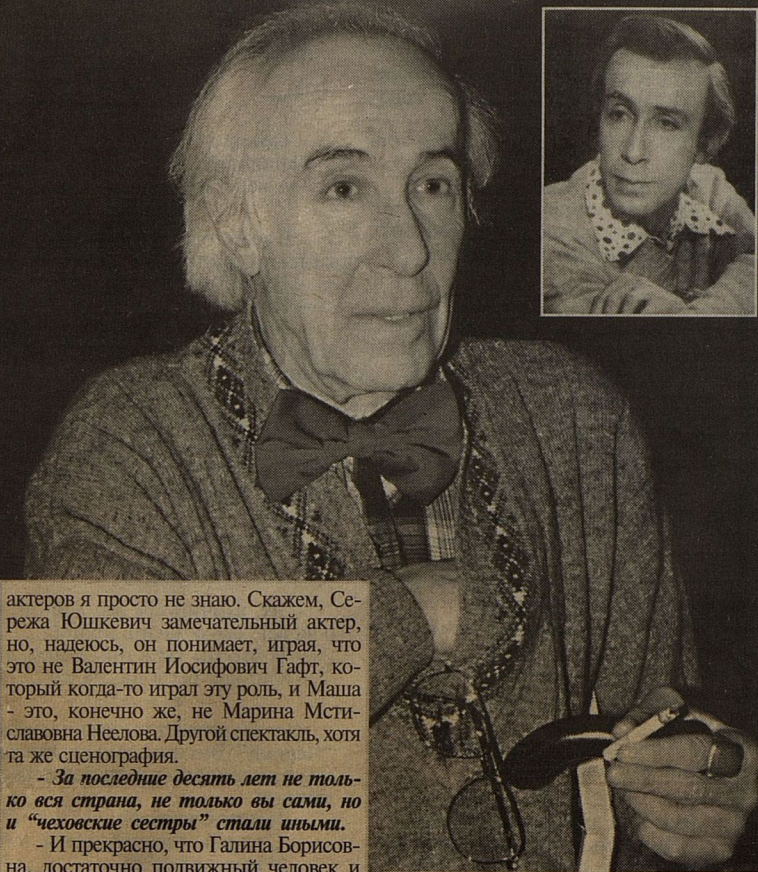
- Так вы, наверное, и поехали в Израиль на операции. Точно?

- Если честно, то почти. И сейчас по прошествии времени об Израиле мне хочется говорить, имея в виду прежде всего его удивительную медицину. Я бесконечно благодарен этой земле, потому что благодаря ее медицине, ее врачам, я сейчас сижу перед вами и разговариваю. В России такие операции были тогда невозможны. Да, в Москве в Бакулевском институте мне сделали первую операцию, и прошла она блестяще. Этого потрясающего хирурга, зав. отделением, сделавшего ее в 1988 году, я забыть не смогу. Израильская же моя операция стоила около пятидесяти тысяч долларов, а мне она обошлась бесплатно. Потому что я получил к тому времени паспорт гражданина Израиля.

- Последний вопрос, Валентин Юрьевич. Вы вроде бы сказали, что по диплому вы юрист, но судьба так повернула, что вы стали артистом. Кстати, народным артистом России. Любопытно, по какой теме вы защищали юридический диплом?

- Защищался я в далеком пятидесяти шестом году на кафедре криминалистики у Бориса Ивановича Шевченко, добрейшего человека, тонко чувствующего людей. Так вот перед защитой он мне сказал: "Я приветствую ваш рывок в сторону искусства, а 90 страниц диплома мы как-нибудь накачаем". Тема же диплома никогда не забудется: "Обыск на предварительном следствии". Обыскивать, слава Богу, теперь уже мне нечего, хотя сейчас в России это можно. Разве что душу свою ревизовать перед последней стометровой на этой земле.

Феликс Медведев

актеров я просто не знаю. Скажем, Сережа Юшкевич замечательный актер, но, надеюсь, он понимает, играя, что это не Валентин Иосифович Гафт, который когда-то играл эту роль, и Маша - это, конечно же, не Марина Мстиславовна Неелова. Другой спектакль, хотя та же сценаристка.

- За последние десять лет не только вся страна, но только вы сами, но и "чиховские сестры" стали иными.

- И прекрасно, что Галина Борисовна, достаточно подвижный человек и режиссер, понимает, что нынче нужны другие актеры и поправки. На многое. Вы спросили, как идут дела, что сказать? Я стараюсь слиться с новым коллективом, а как это получается, судить не мне. Да, наверное, еще и рановато.

- Валентин Юрьевич, когда я в фойе ждал окончания вашей репетиции, то без всякой задней мысли спросил дежурного, в какую гримерку спустится Никулин. Но получила неожиданный ответ: "А у Никулина нет пока никакой гримерки". Признаться, я был немного удивлен.

- Удивительного ничего нет. Не забывайте, Феликс, что я вернулся в перевернутую страну и сейчас продолжаю обустривать свою жизнь и дела. И в театре я пока на договоре. У меня нет никакой зарплаты, у меня контракт на одну конкретную роль. А гримерка, что ж, когда-то здесь же она была у меня, и мы занимали ее вместе с Гафтом.

- А что, гримерка - это проблема мирового театра? И в Израиле так же? Тесновато было?

- Обо всем Израиле мне судить трудно. Я работал в театре Габима, это почти наш МХАТ, и в нем были хорошие помещения, были и гримерные. Здесь, в Москве, я иногда в изображении телеэкрана вижу свободные пространства в театре Марка Захарова и театрах имени Маяковского и Моссовета. Огромные большие коридоры, в которых ощущается театр. А недавно я встречался с Арменом Джигарханяном, и мы долго трепались с ним в его гримерной... В "Современнике", что ж, все меняется к лучшему. Вы, наверное, знаете, что раньше здесь был кинотеатр "Коллизей", здание перестроено, повсюду новая мебель, столы, стены, цвет - все свежее, настали новый паркет, да вот и у вас под ногами, мой дорогой, прекрасный и теплый паркет... Так что не так уж и плохо. А без собственной пока гримерной, надеюсь, я не умру.

- О "Современнике" давно уже сложилось мнение, что его руководство в лице прежде всего главного режиссера, а значит, и как бы весь коллектив весьма приближен к престолу. Этакая прокремлевская обитель. Галину Борисовну нередко видели в обществе Нины Ельциной...

вещей Хемингуэя, в которой герой по имени Филипп бросает своей партнерше по имени Дороти, вышедшей к нему опоясанной то ли чернобухой, то ли какой-то другой лисой, с сентенцией: "Боже мой, как приятно чувствовать себя под мехом". Да, приходилось видеть достаточно много лис и лисиц и мне.

- Отличная сцена, только я бы добавил: "Лис и лисиц в одном месте сразу". А скажите, ведь в актерской профессии есть и впрямь что-то лисье, увертлиное? Или вам не хочется рассуждать на эту тему?

- Феликс, вы ловко цепляетесь за аналогию... Ой, Господи, клятая, клятая наша профессия... И мне сейчас вспоминается мой отец. Когда он был еще жив, я поступил в студию Художественного театра. Отец был драматургом, и он знал что к чему. К тому времени я уже закончил юридический факультет и, поступив в студию, получил диплом юриста. Так вот отец сказал: "Да, Валя, актерство - это хорошо, но надо думать дальше". - "А что дальше, пап?" - "Надо думать о режиссуре". И отец был прав. Режиссер - это что-то очень отличное от актера, потому что актеров много. Режиссер один, он занимается определенной пьесой, опусом, и он - только диктует. Актер же полностью от него зависит. Ну, конечно, немного и от партнера, так сказать, чувством локтя, но все же актер во власти другого человека. Он зависимый человек. Зависимый в большом плане...

- И нет, с вашей точки зрения, независимых актеров?

- (Задумался.) Ровно настолько, насколько независим театр. Но это вечная тема.

- Думается мне, что почти никогда не был зависимым и подчиняемым Олег Николаевич Ефремов, с которым, как я знаю, вы съели много театральной каши. Вы его хоронили?

- Да, хоронил. Стоял с черной повязкой у гроба, у одного из его углов, провожал на кладбище. Я ведь всем в искусстве после моего учителя в студии МХАТа Масальского обязан Олегу Ефремову. Безусловно. "Вот и ушел из этого моего мира человек, с которым связана большая часть моей творческой жизни", - думал я. Да, Ефремов был

ДВЕ КРЫШИ Валентина НИКУЛИНА

Его, конечно же, не забыли.

Не могли забыть наши зрители ни доктора Гаспара в "Трех толстяках", ни блистательную игру в "Братьях Карамазовых", ни исполненные им шансоны, которые собирали в хрущевско-брежневское безвременье полные залы. Валентин Никулин - легенда московской сцены, народный артист, любимец публики, взял однажды да и упорхнул в страну обетованную. Но не сгинул там, не пропал, а вернулся в родные пенаты.

С удовлетворением могу констатировать, что знаменитый актер сегодня впервые предстает на страницах "Мира новостей".

лимой страны? Спрашиваю чисто риторически, не в качестве какого-то осуждения.

- (Волнуясь.) Я никогда бы сам не уехал. Никогда я не смог бы такого сделать. Я об этом уже говорил сразу же по приезде в телеинтервью и Диброву, и Новожену, и Максимова. Даже гипотетически подобная мысль не могла вырваться из меня, чтобы сделать столь резкий рывок.

- Выходит, вы поддающаяся, та самая зависимая натура, о которой мы говорили? Значит, режиссер или кто-то другой на сцене или в жизни может навязать несвойственную вам роль?

- В театре, видимо, да, это возможно, но в кино мне удавалось протаскивать к зрителю свое видение мира.

- Кстати, как вам видятся взлеты вашей карьеры?

- (Отвечает не сразу.) Нет, это не Смердяков в "Братьях Карамазовых"... Конечно, играть у Достоевского!.. Безусловно "Три сестры", Чебутыкина очень люблю. Доктор Гаспар в "Трех толстяках", дед Грибоед в "Волчьей стае" Василия Быкова. Конечно, "На дне". Еще "Случай в Виши", по Миллеру, который мы сдавали комиссии еще в те, конечно, времена двенадцать

лась юная симпатичная особа. Мы столкнулись в дверях. Она вышла, а Окуджава говорит: "Пойдем, покажу тебе этого хорошего человека на видеоленке, я записал, как она поет. Запомни, ее зовут Вероника Долина".

- А почему все-таки упал интерес к самому жанру авторской песни?

- Думается, потому, что авторская песня носит элитарный обособленный характер, она не растворяется на тусовках. И потом, авторская песня сослужила свою службу в те годы, когда общество было закрыто. Она давала поток воздуха.

- Валентин Юрьевич, что такое израильский зритель?

- О, это что-то невозможное! Он заходит в зал через пятнадцать минут после третьего звонка. На ходу что-то дожевывая, он считает, что актеры для него, а не наоборот.

- Значит, как бы ни щипали наш российский менталитет по этой культурной части, наш зритель такого себе не позволит.

- Возможно, но у нас в театре висит объявление о том, что вход с мобильными телефонами и пейджерами запре-

